

ШУЙ ЖУ ПЯНЬ-ЭР

ЗИМНЯЯ ПЕРОНИА

ТОМ I

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2024

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
Ш95

Published originally under the title of 《鬓边不是海棠红》
(Winter Begonia)
Author © 水如天儿 (Shui Ru Tian Er)
Russian Edition rights under license granted by水如天儿
c/o Jumo Culture Media Co., Ltd
Russian Edition copyright © 2024 Eksmo Publishing House arranged
through JS Agency Co., Ltd.
All rights reserved

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Phoebe Yu / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с китайского *Е. Фейгиной*

Художественное оформление *Я. Клыга*

Иллюстрации *Katiko*

Шуй Жу Тянь-эр.

Ш95 Зимняя бегония. Том 1 / Шуй Жу Тянь-эр ; [перевод с китайского Е. Фейгиной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-199531-7

1933 год. Бэйпин был самым шумным городом Китая, непохожим на какое-либо другое место в мире. Именно здесь снискал себе славу Шан Сижуй, один из самых именитых артистов китайской оперы.

Страстные театралы не давали ему прохода и в исступлении выкрикивали его имя. В газетах каждый день освещались мельчайшие детали его личной жизни. Его считали повесой и развратником. Казалось, он был популярнее самого президента.

Как раз тогда Чэн Фэнтай, богатый предприниматель и большой любитель оперы, встречает Шан Сижую и пленяется его талантом. Их знакомство станет началом редкой дружбы на всю жизнь.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

© Фейгина Е., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199531-7

ГЛАВА 1

Чэн Фэнтай был наслышан о Шан Сижуе уже давно.

Шан Сижуй, владелец труппы «Шуйюнь»¹, считался одним из самых именитых артистов китайской оперы и исполнял как амплуа хуадань², молодой кокетки, так и девиц в скромных одеждах³. Превозносящие Шан Сижую театралы окружали его словно бесчисленные звёзды в ночном небе: если бы они, выстроившись в кольцо, прижались друг к другу, то обогнули бы Бэйпин⁴ двести раз; а сам Шан Сижуй, подобно ледяному месяцу посреди небесного океана, воспарил бы над ними высоко-высоко, озаряя всё вокруг холодным серебристым сиянием — видимый, но недостижимый.

Если же вы пожелаете узнать, так ли хорошо поёт Шан Сижуй, то жители Бэйпина непременно сошлются на Нин

¹ Труппа «Шуйюнь» (*кит.* 水云楼) — досл. «терем Водяных облаков». В Китае словом 楼 обозначаются места для увеселений и развлечений.

² Из-за запрета, наложенного императором Цяньлуном в 1772 году, практически все роли в китайской опере исполняли мужчины. Этот запрет был связан с тем, что игра женщин в театре считалась вредной для общественной морали.

³ Амплуа цинъи (*кит.* 青衣) — роль скромной девушки или благопристойной замужней женщины.

⁴ Бэйпин (*кит.* 北平) — название Пекина с 1928 по 1949 год.

Цзюлана, служившего в придворном театре, его в своё время обожала вдовствующая императрица Цыси¹. Шан Сижуй с труппой «Шуйюнь» прибыл в Бэйпин, и стоило ему дать всего три представления, как слава о нём тут же разлетелась по городу. Нин Цзюлан, привлечённый громким именем Шан Сижую, послушав «Космический клинок»² в его исполнении, тяжело вздохнул и покорно уступил тому звание лучшего актёра женских ролей.

Кто-то говорил, что Нин Цзюлана так потряс голос Шан Сижую, так явственно он ощутил его превосходство, что чуть было не помешался. Молодой феникс пел чище старого, к тому же двум красавицам нет места под одним небом, и Нин Цзюлан более не видел смысла выходить на сцену. Другие же перешёптывались, что он, покинув дворец двадцать с лишним лет назад, скопил уже достаточно и решил покончить с оперой, вот и воспользовался Шан Сижуюем, чтобы изящно уйти со сцены. Как бы то ни было, такой жест Нин Цзюлана упрочил громкую славу Шан Сижую. Каждый день в газетах появлялись мельчайшие подробности его личной жизни и сценических достижений. Страстные театралы окружали вход в Китайскую оперу, где выступал Шан Сижуй, и в исступлении выкрикивали его имя. Казалось, что слава его превосходила даже славу президента³. Поначалу Шан Сижуй произвёл на Чэн Фэнтая впечатление очередного артиста, чья известность была раздута непомерно, он считал его одной

¹ Вдовствующая императрица Цыси (*кит.* 慈禧太后) — маньчжурская императрица, фактически правившая Китаем с 1861 по 1908 год.

² «Космический клинок» (*кит.* 宇宙锋) — одна из пьес традиционного китайского театра, повествующая о евнухе Чжао Гао, который захватил власть при династии Цинь и тем самым погубил её.

³ С 1912 по 1949 год во главе Китайской Республики стоял президент.

из тех быстро вспыхивающих звёзд театра, что погаснет так же стремительно.

Однако в глазах Чэн Мэйсинь, старшей сестры Чэн Фэнтая, Шан Сижуй был неблагодарным и подлым человечишкой.

В то время Чэн Мэйсинь только дождалась смерти первой жены командующего Цао, и наконец ей воздалось за все страдания — и из шестой наложницы она стала супругой Цао. Командующий Цао тогда штурмовал город на востоке, почти прорвав оборону главнокомандующего Чжана. И однажды на городской стене показался Шан Сижуй в прекрасном театральном костюме, но без краски на лице, и исполнил а капелла арию из оперы «Прощай, моя наложница»¹, снова и снова повторяя несколько фраз. Пел он волнующе и самозабвенно, совершенно не замечая свистящих пуль. Солдаты глядели на него в полном изумлении и даже позабыли, как стрелять. Показывали на актёра пальцем, спрашивая, не безумен ли тот человек. Конечно, безумен... и прекрасен в своём безумии.

Когда командующий Цао, встав под городскими воротами, взглянул наверх, Шан Сижуй как раз выводил строку: «Ханьские войска уж подошли, врагами окружён со всех сторон». И звучало это так, будто он воспевал подвиги командующего Цао — чудно и страшно. Тот, замороженный, указал нагайкой на Шан Сижую: «Не стрелять в него! Я желаю получить Юй Цзи² живой!» И тогда сол-

¹ Одна из пьес китайской оперы, в которой наложница остаётся верна своему императору до самого конца и кончает с собой, когда он умирает.

² Юй Цзи (*кит.* 虞姬) — возлюбленная наложница генерала Сан Юя, который провозгласил себя правителем западного Чу. История их любви легла в основу оперы «Прощай, моя наложница».

даты, не решаясь стрелять из ружей, потратили лишний час, чтобы проломить городские ворота.

Когда город был взят, Шан Сижуй не спешил вслед за самоотверженной и преданной Юй Цзи перерезать себе горло, а, взяв с собой актрис из «Шуйюнь», днями напролёт бесчинствовал на глазах у Чэн Мэйсинь. Командующему Цао так вскружила голову череда бесчисленных забав, что он и слышать ничего не слышал, и вкуса еды уже не ощущал. Чэн Мэйсинь, украсив резиденцию командующего Цао нарядными актрисами, сама тайно искала встречи с хозяином труппы Шан Сижуюем, чтобы вручить ему чек и выпроводить, однако тот дал ей от ворот поворот, чем привёл в неистовое бешенство. К счастью для Чэн Мэйсинь, она выиграла это сражение, однако, стоило кому-то упомянуть дела былые, как застарелая обида вскипала с прежней силой.

Чэн Мэйсинь вышла из семьи, охваченной западными веяниями, принесёнными с Шанхайской набережной, однако жизнь куртизанки, а затем наложницы ожесточила и опошшила её лицо и мысли, и, лишь кто за спиной вдруг вспоминал Шан Сижуюя, она тут же находила для него пару неприятных словечек, да ещё и тщательно следила за тем, чтобы никто из мужчин её семьи с ним не якшался. Только вот, кроме супруга, командующего Цао, да младшего брата Чэн Фэнтая никто из мужчин её не слушал. Чэн Мэйсинь постоянно ломала голову, как бы угодить командующему Цао, и не осмеливалась произносить бранные речи перед военным министром, а потому вся тяжесть её забот о нравственном благополучии пала на плечи Чэн Фэнтая.

В этот день после обеда они курили в бэйпинской резиденции семьи Чэн — просторном, с высокими потолками флигеле, обставленном большими эмалевыми вазами

с павлиньими перьями, резной мебелью из красного дерева да свитками со сливой, орхидеей, бамбуком и хризантемой, развешанными по стенам, всё это осталось от прежнего хозяина резиденции, какого-то князька. Свет заходящего солнца, проникая внутрь, растворялся в дымке табака, так что вся картина напоминала покрытый пылью старинный натюрморт. Чэн Мэйсинь одной рукой оперлась на столик при кане¹, другой же держала трубку из слоновой кости; впившись строгим взглядом в Чэн Фэнтая, она выговаривала ему:

— Не следует тебе, подобно бэйпинским мужчинам, развлекаться с актёришками! Эти бродяги — подлые болваны, которые только тем и заняты, что приманивают состоятельных людей. Не усвоишь это хорошенько, так старшая сестрица не может обещать, что защитит тебя. Ты меня услышал?

Чэн Мэйсинь упорно стояла на своём, но какими бы ядовитыми ни были её речи, нежный, будто размякший клейкий рис, цзяннаньский говор так ей и не изменил.

Засунув руки в карманы брюк, Чэн Фэнтай согласился с небрежной улыбкой:

— Услышал-услышал, что весёлого может быть с этими актёришками?

Слова эти прозвучали так, словно именно с актёришками никакого веселья не видать. А вот если поменять их на кого-нибудь другого, то тут уже можно было как следует позабавиться.

Чэн Мэйсинь бросила взгляд на сидевшую рядом невестку: жена её младшего брата, вторая госпожа Чэн, выглядела насторожённой. Она постукивала длинной труб-

¹ Кан (*кит.* 炕) — китайская печка-лежанка, на которой не только спали, но и готовили пищу, и проводили досуг.

кой по краю плевательницы, стряхивая пепел и наблюдая за Чэн Фэнтаем.

Чэн Мэйсинь поспешно сказала:

— Не только с актёришками ничего весёлого не может быть, но и танцовщиц или певичек это касается. Невестка — самая настоящая красавица, родила тебе двух детишек, а тебе всё мало? Нельзя же быть таким неблагодарным человеком!

Она позабыла, что родная мать Чэн Фэнтая, прежде чем стать второй женой в семье Чэн, была именно певичкой. К счастью, Чэн Фэнтая не задела её слова; взяв в руки мандарин, он почистил его и протянул сестре, прищурившись в улыбку.

— Понял я, понял! Старшая сестрица, в кои-то веки ты приехала, а половину нашего разговора ты бранишь актёришек, половину — наставляешь младшего брата. Характером ты всё больше походишь на зятя! — С этими словами он чиркнул спичкой и зажгёт трубку второй госпожи. В её взгляде мелькнула лёгкая улыбка, ей очень нравилось, когда Чэн Фэнтай ухаживал за ней с подобной сердечной теплотой, словно безропотно заискивая. Вторая госпожа раздула пламя в трубке и затянулась дымом, однако с губ её сорвалось следующее:

— Думаешь, раз я отпустила служанку, то не могу о себе позаботиться? Господин, который так назойливо спешит услужить другому, вряд ли вызовет почтение.

Чэн Мэйсинь взяла дольку мандарина и со смехом сказала:

— Невестка не осознаёт, как горячо её любит младший брат.

Вторая госпожа взглянула искоса на Чэн Фэнтая, выказывая своё неодобрение, но улыбка на её лице не померкла. Чэн Фэнтай всегда небрежно улыбался, но на сей раз

за его улыбкой стояло настоящее веселье. Две эти женщины — одна разговаривала по-шанхайски учтиво, другая царапала¹ слух своим северо-восточным говором — обменивались репликами, будто исполняли театральную комедию. В задней комнате проснулась после дневного сна третья младшая сестра Чача-эр². Протерев глаза, она подняла дверную занавеску и вошла, но, увидев старшую сестру Чэн Мэйсинь, остолбенела и тут же собралась вернуться к себе. Чэн Фэнтай замахал рукой, подзывая её:

— Чача-эр, подойди.

Чача-эр с неохотой подошла к Чэн Фэнтаю, по натуре она была девочкой одинокой, с чистой душой и с самого детства не ладила со старшей сестрой, поскольку презирала характер и замашки последней. Чэн Фэнтай хлопал себя по колену, и Чача-эр тут же уселась на него, в смятении уткнувшись лицом в грудь второго брата, не глядя на Чэн Мэйсинь. Чэн Фэнтай обнял её за талию и встряхнул пару раз, затем, нахмурившись, сказал:

— К нам приехала старшая сестрица, почему ты её не приветствуешь, а? — Однако в голосе брата не было ни намёка на упрёк. Чача-эр пробормотала что-то себе под нос, и это можно было расценить как вопрос, хорошо ли поживает старшая сестра.

Будь они в их старом шанхайском доме, Чэн Мэйсинь давно уже начала бы браниться. Однако она хорошо знала нрав Чэн Фэнтая, и, хотя он всегда ревниво оберегал всех сестёр, настоящим светом в оконце для него была лишь эта Чача-эр. Чача-эр смиренно, будто маленькая кукла, устроилась в объятиях Чэн Фэнтая. Вместе они про-

¹ Для северных диалектов китайского языка свойственна эризация — добавления суффикса -эр в конце слов.

² -эр (*кит.* 儿) — суффикс, который добавляют к имени, образуя тем самым уменьшительно-ласкательную форму.

шли через тёмные и страшные годы юности. Чэн Фэнтай хлопотал вокруг Чача-эр, словно насадка возле птенчика, и сердечная привязанность брата и сестры была самой крепкой среди них. Ругать Чэн Фэнтая можно сколько душе угодно, но задеть хоть словом Чача-эр значило ранить Чэн Фэнтая в самое сердце, и он начинал сердиться. Всё переменялось до неузнаваемости, и Чэн Мэйсинь не желала вызвать неудовольствие младшего брата, крупного коммерсанта. Ей оставалось лишь бранить Чача-эр про себя: она обзывала ту дворняжкой, не знающей приличий, точь-в-точь как её мамаша-дикарка, такая же дрянь. С улыбкой она наблюдала, как ласково единокровные брат и сестра обнимали друг друга, сама же подумала презрительно: «Один — сын певички, другая — дочь дикарки с юга, а путь у них в итоге один».

В те годы, когда семья Чэн ещё жила в Шанхае, фабрика отца разорилась, а сам он скоропостижно скончался. Старшая жена, столкнувшись с расстроеными делами, впала в страшную тоску и вслед за отцом повесилась. Все четверо детей семьи Чэн были от разных матерей. Чэн Мэйсинь — старшая дочь от главной жены, тогда ей едва исполнилось восемнадцать лет, затем следовали младший брат и две сестры. Мать Чэн Фэнтая — популярная шанхайская певичка, выступавшая на набережной. Родив сына, она не смогла привыкнуть к семейной жизни и сбежала в Гонконг — вернулась там к старому занятию. Мать третьей сестры Чача-эр как появилась внезапно в их жизни, так и исчезла без следа. Чэн Мэйсинь никогда её толком и не видела, слышала только, что та уехала за границу, во Францию. Имелась ещё четвёртая наложница из бедной семьи и её дочка в пелёнках, да ещё слуги, кормилица, шофёр — вот и вся большая семья. Банк отправил своих людей, чтобы те изъяли все ценные вещи в счёт

уплаты долгов: пианино, утварь из серебра, электрические вентиляторы, дошло даже до мраморных умывальников, стоящих в саду, — забрали всё без исключения. Увидев, что происходит, слуги один за другим взяли расчёт, а Чэн Мэйсинь, в одиночку преградив ворота в саду, не давала им уйти, крича так пронзительно, что сорвала голос:

— Неужто всё это время вам плохо платили? Что же вы бежите?!

Однако Чэн Мэйсинь смогла найти лёгкий способ сохранить дом и заплатить слугам за работу — ради этого она пошла в первоклассные куртизанки.

Из всех прекрасных барышень Шанхайской набережной Чэн Мэйсинь нельзя было назвать самой красивой, однако она имела манеры на западный лад, владела английским и носила платья по европейской моде, к тому же умела кокетничать, наслаждаться жизнью и получать удовольствие. Но самое главное — она была старшей дочерью семьи Чэн, фениксом, втоптаным в грязь, и всякий желал попробовать её на вкус. Чэн Мэйсинь всё ещё помнила свой первый раз с давним другом отца — стариком, которого она всегда звала дядюшкой. От него она получила шесть тысяч юаней — шесть тысяч, которые прежде её мать могла проиграть в мацзян за один вечер, она променяла на своё целомудрие.

Чэн Мэйсинь не забыла, как в тот вечер, с трудом сдерживая скорбное негодование, она изо всех сил старалась услужить «дядюшке» ночь напролёт, наутро её усталое тело страшно болело, но она всё же сделала большой крюк, чтобы купить в «Кайсылине»¹ пирог с каштанами и принести его домой. В прошлом их семья всегда за-

¹ «Кайсылин» (*кит.* 凱司令) — шанхайская кондитерская, основанная в 1928 году и существующая до сих пор.

втракала пирожными с молоком, вот и сейчас она хотела позавтракать именно так со всей семьёй. Проистекало это желание вовсе не от любви к младшему брату и сёстрам, она купила пирог ради себя самой. Обладавшая прежде богатствами и почестями и потерявшая всё, Чэн Мэйсинь шаг за шагом погружалась в пучину отчаяния, она готова была отдать жизнь, чтобы вернуть своё положение в обществе. Цена, которую она заплатила той ночью, казалась ей ничтожной.

С пирогом в руках Чэн Мэйсинь распахнула двери в столовую, одна из стен в которой была застеклена. Лучи восходящего солнца, проникая внутрь, освещали Чэн Фэнтая, озаряя его волосы и кожу, и от них будто исходило божественное сияние. Чэн Фэнтай в белой нижней рубашке сидел на столе, обхватив за талию кормилицу Чача-эр и прильнув лицом к её груди, совершенно неподвижный. Чэн Мэйсинь долгое время провела в оцепенении, глядя на них, и от поднявшейся внутри ярости её бросило в дрожь. Она там ублажает старика, молча снося унижение, а Чэн Фэнтай, её единственный младший брат, не то что не разделил с ней эту ношу, больше того — обжимается с кормилицей прямо у них дома! Что за бесстыжее отродье! Неужто она торговала телом ради того, чтобы он продолжал наслаждаться беззаботной жизнью барчука? Нет уж, так просто он не отделается!

Кормилица, едва завидев Чэн Мэйсинь, с пронзительным криком оттолкнула Чэн Фэнтая и выбежала прочь. Чэн Фэнтай в растерянности прыгнул со стола, почувствовав себя ужасно неловко:

— Старшая сестрица...

Чэн Мэйсинь откашлялась и с вполне миролюбивой улыбкой поставила каштановый пирог на стол, назвав Чэн Фэнтая его английским именем:

— Edwin¹, проголодался? Вели слугам разогреть кукурузные хлопья, и пусть все приходят есть пирог.

За столом Чэн Мэйсинь размышляла, как бы ей выгодно пристроить младшего брата и сестёр. Сёстры ещё слишком малы, хоть и красивы, но продать их решительно невозможно. Младший брат очень красив, даже краше её, но вот жалость — он брат, а какой прок с мальчика? Чэн Мэйсинь перебирала в уме знакомых богачей со всего Китая, пока наконец не вспомнила об одном человеке на северной границе, человеке, который показался ей спасительной звездой.

Чэн Мэйсинь крепко стиснула руки Чэн Фэнтая и со слезами на глазах заговорила:

— Edwin, я подумала... я приглашу в Шанхай барышню Фань Сян-эр — твою невесту с севера. Вы поженитесь.

Чэн Фэнтай злобно нахмурился и едва не выплюнул молоко, потом хлопнул по столу:

— No way!²

Чэн Мэйсинь снова притянула его к себе:

— Сестрица понимает, что барышня Фань намного тебя старше, да к тому же не городская. Когда прежде отец говорил об этом браке, сестрица встала на твою сторону и была против свадьбы, не так ли? Но... но сейчас всё изменилось, я ничего не могу поделать. У нас есть ещё две сестры, есть семья. Если ты не женишься на ней, всем грозит голодная смерть!

Чэн Фэнтай вскричал:

— Да как я смогу прожить с ней всю жизнь! Ты разве не знаешь — у неё... у неё же перебинтованы стопы!³

¹ Edwin (*англ.*) — Эдвин.

² No way (*англ.*) — «Ни за что!»

³ С начала X до начала XX века в Китае практиковалось бинтование стоп маленьким девочкам (в особенности дочерям аристократических семей). Крошечная стопа говорила о престиже будущей невесты.